

Тонко дребезжат стёкла. Сквозь шум бурана слышно, как на дворе глухо хлопает калитка. Коля, весь напрягаясь, останавливает взгляд на окне, потом негромко говорит:

Показалось... Я думал, мама, а это ветер. Ты, Миша, слышал, как загремело?

Непогода какая... — Миша перелистывает страницу, с сосредоточенным видом наклоняется над книгой.

Колина мать работает врачом в степном районе. Каждое утро за ней приезжают сани из больницы и дед Степан увозит её до восьми часов вечера. Сейчас уже десять, но её всё нет. А буран хлещет в степи, гремит по крыше, дико взвизгивает в трубе, дёргает дверь в сенях, будто кто-то в злобе ударяет, наваливается плечом, срывает её и не может сорвать с петель. На улице всё гудит, и порой кажется, что комната несётся по воздуху в вихрях снега, оторванная от всего мира.

Буран! — бурчит Миша, поднимая голову от книги. — Ишь как воет... Страшно сейчас в степи.

Коля внимательно смотрит на Мишу, с минуту он слушает, как воет буран, и вдруг начинает беспокоиться:

Как бы мамка не заблудилась...

В тишине листы книги, толстые, гладкие, гремят, как полотно на ветру.

Минуту оба молчат. Потом Миша напряжённо морщит лоб и, глотая слюну, говорит:

Мне домой надо. Мать, наверное, ищет...

Ну, иди.

Коля закрывает за ним дверь и возвращается в комнату. Но там после ухода Миши становится очень пусто и тихо. Коля садится к столу в одиночестве и, чтобы отогнать от себя грустные мысли, старается представить себе, как будет, когда приедет мать... Она, скинув завьюженный тулуп, улыбнётся ему, поцелует его холодными губами и, конечно, скажет: «Заждался? Ну, Колька, сейчас будем чаёвничать!» Щуря близорукие глаза, она подолгу моет руки и тщательно вытирает их полотенцем, от неё приятно пахнет морозом и каким-то лекарством.

Она будет ходить по комнате, звенеть посудой, спрашивать о школе и наконец сядет с ним за стол. Весело на плите зафыркает чайник, и тотчас в комнате станет тепло и уютно.

«Мама, я тебя всё ждал, — скажет он, — два раза чайник подогревал, а ты так долго...»

Никого нет. Мороз и синяя ночь. На дворе лежит лунный снег.

Улицы не видно: снегу намело по крыши, ни огонька. «Где же мамка? — думает с тревогой Коля. — Где она?»

Он садится на диван, дремота постепенно обволакивает его. И внезапно стекло звонко дребезжит над самым ухом, но Коле кажется, что это стучат не в окно, а звенит у него в ушах.

Коля, открой! Коля!

Радость перехватывает дыхание. Он вскакивает.

Мамка! Приехала! Я сейчас! Я сейчас! — громко кричит он и бежит к двери.

Когда они сидят за столом и пьют крепкий, пахучий чай, Коля необыкновенно счастлив: мать рядом с ним, она ласково щурит глаза. Лицо у неё усталое.

Она спрашивает удивлённо:

Ты всё ждал меня? И не спал?

Ждал. Мишка у меня был! Мы вдвоём ждали!

Колька ты мой, Колька, — говорит мать и нежно шевелит, треплет его волосы. — А я с операции. Никак не могла раньше.

Ложись, мам, ложись, — чувствуя необыкновенный прилив любви к матери, говорит Коля. — Ты устала! Ты ведь устала, мама! Да?

Мать целует его и, на ходу раздеваясь, идёт к постели.

А я подъезжаю и думаю: «Спит мой Колька, наверное». А ты, оказывается, ждал! Ах ты, Колька мой!

Мам, а мам, — еле шепчет он. — Ты обо мне не беспокойся...

В комнате темно и тихо.

(По Ю. В. Бондареву*)

Бондарев Юрий Васильевич (1924-2020) — русский советский писатель и сценарист.